

© 1990 г.

ТЕЛЕГИН Д. Я.

ИЛЛИРИЙСКИЕ И ФРАКИЙСКИЕ ГИДРОНИМЫ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Достижения лингвистической и археологической наук в изучении далекого прошлого нашей Родины несомненны. Много сделано также исследователями (как лингвистами [1—7], так и археологами [8—И]) в части комплексного анализа данных этих наук.

Как известно, традиционным во многих работах археологов является вопрос определения этнической принадлежности археологических культур, который решается с привлечением данных лингвистики, и прежде всего гидронимии. К сожалению, рассматривается эта проблематика, по нашему мнению, обычно очень узко, без учета всей суммы фактов в территориальном и хронологическом диапазонах. Нередко определение этнической принадлежности той или иной культуры проводится в отрыве от ее исторического окружения на узкой территории. А в связи с тем, что хронологизация гидронимов разработана еще крайне слабо, то часто одни и те же гидронимы привлекаются разными авторами для «определения» этнической принадлежности археологических культур разных эпох бронзы, скифского и раннеславянского времени. Так, например, выделенные лингвистами на Украине фракийские гидронимы связываются в одном случае с трипольем медного века [12, с. 254], в другом — с чернолесской культурой эпохи бронзы (С. С. Березанская [10]), а в третьем — с памятниками зарубинецкого типа (Е. В. Максимов) [13].

В отличие от наших предшественников, мы ставим своей задачей рассмотреть возможность датировки гидронимов Поднепровья, а равно и определения этнической принадлежности археологических культур не отдельной ограниченной области или одной какой-то культуры, а значительно шире, как в территориальном, так и в хронологическом отношении. Здесь, в частности, нами учтены гидронимические данные всего бассейна Днепра в пределах Украины и Белоруссии и привлечены к рассмотрению все археологические культуры этого региона, начиная с неолита, т. е. времени начала оседлости, и до раннеславянского времени. На территории Украины анализируются также лингвистические и археологические данные, касающиеся долин рек Южного Буга, Днестра и др.

Применяемый в работе метод включает полное картографирование данных гидронимии и археологии с последующим наложением этих карт друг на друга. Вывод о датировке гидронимов и этнической принадлежности культур делается на основании полного или более-менее полного совмещения области группы речных одноэтнических названий с территорией распространения той или иной культуры. Следовательно, ключевым моментом в данном случае является общность территории гидронимов одной этнической принадлежности и археологических памятников определенной куль-

туры. Полное или значительное совпадение карт скоплений гидронимов с границами археологических культур несомненно должно указывать на принадлежность тех и других какому-то одному этническому образованию. А на основании этого путем «перекрестной интерполяции» решаются два иных вопроса: хронологическая приуроченность гидронимов по хорошо датированным памятникам археологии и, наоборот,— этническая принадлежность носителей археологических культур на основании гидронимов. Эту ситуацию условно можно изобразить следующим образом:

	Археологическая культура	Гидронимы
Хронология	⊥	?/+
Этническая принадлежность	?/+	4-
Территория	+	+

Естественно, что при отсутствии территориального совпадения гидронимических и археологических данных рассмотрение этих проблем само собой исключается.

Необходимо подчеркнуть также, что для решения вопроса хронологической приуроченности гидронимов, а равно и определения по ним этнической принадлежности археологических культур нужен, несомненно, комплексный подход. Кроме анализа географии распространения археологических и лингвистических данных, бесспорно важное значение имеет всестороннее изучение самих культур с точки зрения их состава, генезиса, их исторического окружения и др. Сказанное в полной мере относится также и к гидронимам.

Основные материалы по гидронимии Поднепровья изложены в работе В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева [14] и книге О. Н. Трубачева [7]. Сведения по этому вопросу можно найти в исследованиях А. С. Стрижака [15], М. Ф. Пономаренко [16], В. В. Лободы [17], И. М. Железняк [18]. Еще раньше вопросом определения этнической принадлежности названий рек и водоемов Белоруссии и Украины занимались А. Л. Погодин, И. А. Соболевский, М. Фасмер, К. Мошинский и др. В настоящее время для бассейна Днепра уже определена этническая принадлежность нескольких сот древних гидронимов, в том числе иллирийских, или западнобалканских, фракийских, или восточнобалканских, иранских (индоиранских), древнеславянских, балтийских и финно-угорских. Названия двух рек в бассейне Среднего Днепра определяются как древнегерманские. Несколько больше их известно на Днестре [рис. 1].

Район распространения иллирийских гидронимов, таких, например, как *Иква*, *Луна*, *Товмень*, *Горынь*, *Тня*, *Отавин*, *Мурава* и др., охватывает лесостепное Правобережье Украины, а также Верхний Днестр — *Бахонка*, *Стриква*, *Луква* и др. Все наименования водоемов фракийского происхождения (*Янтра*, *Альта*, *Кодра*, *Ибр*, *Иртица*) сосредоточиваются также на Правобережье, но в целом южнее иллирийских.

Несмотря на то, что в интерпретации этимологии и этнической принадлежности отдельных гидронимов среди специалистов не всегда отмечается полное единодушие, а иногда и вообще скептическое отношение к их

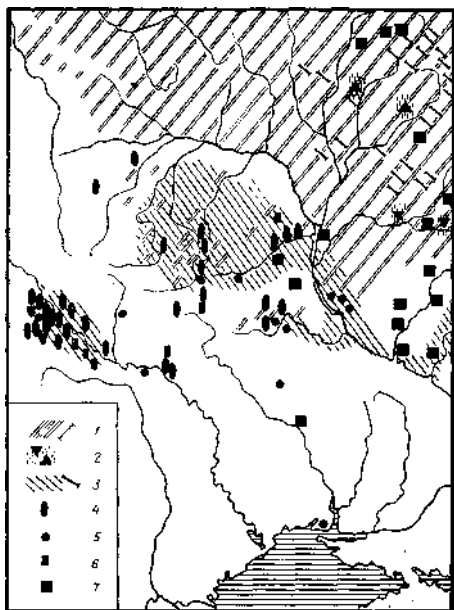

Рис. 1. Древние гидронимы Поднепровья и Верхнего Днестра

(По данным Топорова, Трубачева [14]; Трубачева [7])

- 1) Балтийские; 2) Финно-угорские (прибалтийские и волжские); 3) Древнеславянские; 4) Иллирийские; 5) Фракийские; 6) Германские; 7) Иранские.

толкованию [19], значение данного источника для изучения этнокультурного состава древнего населения каждой отдельной территории имеет, безусловно, исключительно важное значение. Одним из основных достоинств гидронимов в этом плане является жесткая увязка их с географической картой, что определенно указывает на район расселения тех или иных племен или народностей. Лингвистами, кроме того, делаются попытки установления относительной хронологии гидронимов или их синхронизации и определения абсолютного возраста. В последнем случае, однако, лингвисты обращаются к данным археологии, где вопросы хронологии изучены значительно лучше, чем в лингвистике.

Необходимо подчеркнуть, что среди условий возникновения гидронимов, конечно, важную роль играет продолжительность заселения той или иной территории определенным этническим массивом, т. е. время бытования культур, которое измеряется нередко тысячелетиями. Важным обстоятельством при этом надо считать и сам механизм весьма продолжительного сохранения древних гидронимов, иногда вплоть до наших дней, при несомненной смене в данном регионе населения, нередко многократной.

Надо полагать, что это возможно только в случае непосредственных контактов населения, оставившего гидронимы и их принявшего. Причем такая ситуация скорее всего могла сложиться в пограничных районах между разными культурами, где разноэтничные племена определенное время бытовали одновременно или, во всяком случае, имели какие-то культурные контакты, в том числе и языковые.

Привлечению археологических данных при лингвистических исследованиях до недавнего времени в значительной мере мешала сравнительно слабая изученность археологических памятников Днепровского бассейна и смежных областей. За последние 20—30 лет положение в этом плане значительно изменилось в лучшую сторону. Археологами здесь изучены уже сотни новых памятников — городищ и поселений, плоских могильников и курганов разных эпох, начиная с конца каменного века и кончая средневековьем. Специалисты для каждой из эпох выделяют многие археологические культуры. А каждая из них в принципе является отражением древних этнических образований — племен, их групп или, для позднего времени, народностей. Подробные результаты этих исследований опубликованы как в отдельных статьях, так и в обобщающих коллективных трудах [20—23], где хорошо представлены карты культур Поднепровья. В этих и других исследованиях археологов неоднократно делались заключения и об этнической принадлежности носителей отдельных культур.

Археологические культуры (как и скопления гидронимов) занимают определенную территорию, все они, в отличие от гидронимов, обычно достаточно надежно датированы, в том числе методами точных и естественных наук. На основании анализа материалов (орудий труда, керамики, украшений, занятий населения, домостроительства, погребального обряда и др.) устанавливается происхождение археологических культур, среди которых можно выделять как местные автохтонные, сугубо днепровские образования, так и пришедшие извне. Те же источники позволяют говорить о проявлении инкультурных влияний или возникновении синкретических культур.

В этом плане необходимо подчеркнуть исключительно важное значение древней керамики, которая является наиболее ярким показателем этнографического своеобразия каждой культуры. Более того, пожалуй, только по керамике в археологии удастся выделять группы близкородственных культур, образующих целые области культур и «керамические провинции». Как для каждой археологической культуры, так и такой «провинции» характерны свои формы сосудов, своя технология изготовления, свои стили орнамента и т. п.

Исконно «днепровская» керамика, которую мы далее будем называть «местной», «грубой» или «кухонной», во все времена, начиная с каменного века и вплоть до раннеславянской эпохи, отличалась примитивностью. Здесь почти всегда бытовала одна форма — горшок или его модификации, редко встречаются миски. В неолите эти сосуды остродонные, но острое или округлое дно затем нередко сохраняется долго, вплоть до раннего железного века. Техника изготовления горшков грубая, в тесте трава, песок, ракушка, дресва или шамот. Поверхность, как правило, неровная, расчесанная штрихованием или шершавая. Для этой керамики характерны свои стили декора, выполненные обычно отгисками палочки, гребенки, шнура или в виде разного рода вмятин, зашипов и т. п. Орнаментальные мотивы состоят в основном из прямолинейных композиций. Чтобы представить себе, о чем идет конкретно речь, укажем, на такие типы керамики, как гребенчато-накольчатая керамика неолита, «кухонная» керамика ле-

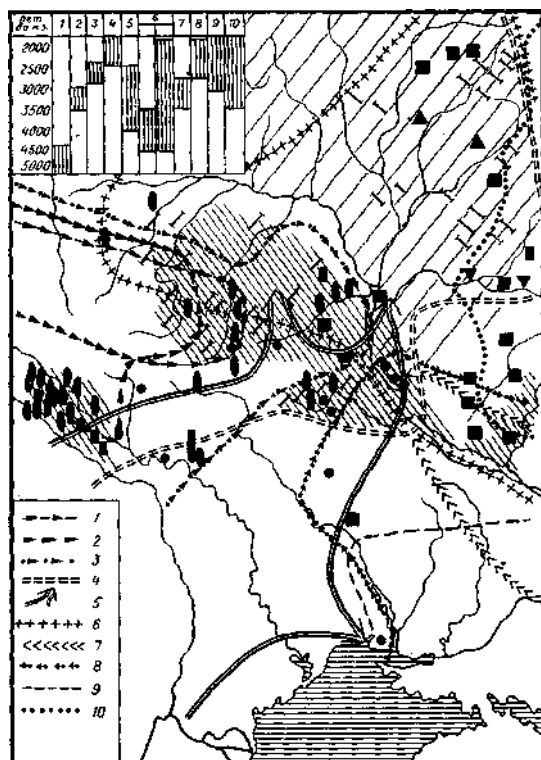

Рис. 2. Древние гидронимы и археологические культуры эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы на Поднепровье

1) Дунайская культура линейно-ленточной керамики; 2) Лендель; 3) Культура шаровидных амфор; 4) Культура шнуровой керамики; 5) Триполье; 6) Культуры днепровской общности с гребенчато-накольчатой керамикой; 7) Среднестоговская культура; 8) Ямная культура; 9) Нижнемихайловско-кемиобинская культура; 10) Культура ямочно-гребенчатой керамики (объяснение гидронимов см. рис. 1).

сосетпных скифов, керамика милоградской культуры, штрихованная керамика раннего железного века, а также на керамику средневековья — Пеньковка, Корчак и др.

Керамика, имеющая балканское и центральноевропейское происхождение, обнаруживает совершенно иные свойства и качества. Здесь часто одновременно бытует несколько или даже множество керамических форм — горшки, миски, кубки, чашки, амфоры, кувшиновидные сосуды и т. п. Остродонная посуда неизвестна совсем. Керамическое тесто обычно хорошо вымешано, тонкое, примесей мало или они совсем незаметны. Сосуды, как правило, тонкостенные, обжиг совершенный. Поверхность хо-

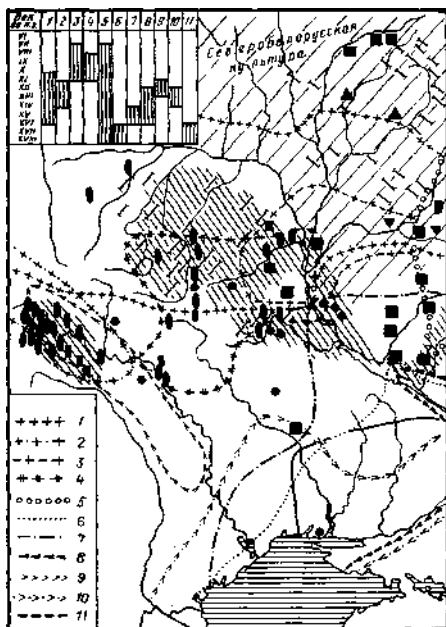

Рис. 3. Древние гидронимы и археологические культуры средней и поздней бронзы Поднепровья

1) Тшинецкая, включая сосницкий вариант, 2) Комаровская; 3) Лебединская; 5) Белогрудовская; 5) Марьяновско-бондарихинская; 6) Катакомбная общность; 7) Культура многоваликовой керамики; 8) Срубная; 9) Культура Ноа; 10) Сабатиновская; 11) Нижнемихайловско-кемиобинская (объяснение гидронимов см. рис. 1).

рошо оглажена, часто подлощена или лошенная до блеска. Орнамент линейный или расписной, преобладают криволинейные композиции. Керамика этой категории, которую дальше мы будем называть «тонкой», «привозной» или «парадной», нередко встречается и в культурах Днепровского бассейна. В этой связи можно назвать, например, высококачественную линейно-ленточную посуду неолита, трипольскую — медного века, керамику так называемого фракийского гальштата поздней бронзы, «столовую» лошеную посуду зарубинецкой культуры или уже изготовленную на круге керамику черняховской культуры раннеславянского времени.

Полный состав археологических культур изучаемого района Украины по эпохам приведен на прилагаемых картах, из которых видно, что эти культуры как по территориальному охвату, так и по времени их бытования были далеко не одинаковы (рис. 2—4). Различным был и их генезис. Одни из них были безусловно пришлыми, не имеющими местных генетических корней. Другие же являются несомненно автохтонными, сложившимися на местной генетической подоснове.

века, а также киевскую, колочинскую к лтыры раннего средневековья и др. «Местными», видимо, следует считать и такие культуры, которые складывались на больших территориях, включающих и бассейн Днепра. Это, например, культуры ямочно-гребенчатой керамики, среднестоговская, ямная, срубная и др.

Среди культур Поднепровья, имевших также местное автохтонное происхождение, отмечается ряд таких, которые сложились и развивались под заметными внешними влияниями, в связи с чем они имеют выражение синкретического характера. К числу таких относятся, например, культуры шнуровой керамики — сабастиновская, белозерская, чернолесская, лесостепная скифская и др.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению двух конкретных вопросов, связанных с наличием на Правобережье Украины иллирийских и фракийских гидронимов.

Иллирийских гидронимов на Украине выделено более 40. Большинство из них «чисто» иллирийские, а некоторые в «кельтской оболочке» или же вообще в «кельтском употреблении» [7, с. 276—284]. По своему географическому размещению все иллирийские (кельтско-иллирийские) гидронимы на Украине образуют три скопления — «житомирское», «прикиевское» и «верхнеднестровское». Первые два включают более десяти наименований, третье — около 30. В Прикарпатье, кроме того, известен еще ряд иллирийских названий местностей (*Бескиды, Дукля*). Время появления этих гидронимов и топонимов лингвистически датировать весьма трудно, как у нас, так и в Центральной Европе, где иллирийские гидронимы также присутствуют.

Об иллирийцах Центральной Европы и Среднего Подунавья имеется уже значительная литература. Лингвистом Г. Краэ им посвящена отдельная книга. Иллирийцы в древности (до нашествия кельтов) занимали Западные Балканы и южную Паннонию; тут же обитали венеты [24, с. 14]. Г. Краэ полагает, что первоначально иллирийцы расселились «к югу от Балтийского моря» [25, с. 169]. Считается, что иллирийцы наряду с другими народами Европы — кельтами, италиками, германцами, балтами и др. — входили в отдельную «западную», или «древнеевропейскую», лингвистическую общность [26, 27]. Иллирийские гидронимы выделены в разных местах Средней Европы — в Подунавье (*Срем, Сава, Драва* и др.), в междуречье Эльбы и Вислы и др. [28; 29, с. 202]. Предпринят ряд попыток увязать эти гидронимы с отдельными археологическими культурами разных эпох — галыплатской середины I тыс. до н. э.; лужицкой XII—V вв. до н. э. [25, с. 108—114; 29, с. 242; 30]. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, считают, что праиллирийцы, как и пракельты, протоиталики и др., «покрывались» унетичской культурой первой половины II тыс. до н. э. [31]. А по В. Георгиеву [6, с. 144], все эти племена в генетическом плане восходят к носителям дунайских культур V—III тыс. до н. э. — линейно-ленточной керамики и Лендель. Как упоминалось выше, носители последних проникали также далеко на восток, вплоть до Волины, где территория их распространения полностью совпадает с областью иллирийских гидронимов.

Следовательно, если иллирийская принадлежность гидронимов Украины лингвистами определена правильно, то время их появления здесь археологически устанавливается весьма определенно — V—IV тыс. до н. э. Во всяком случае это можно сказать о днестровской и житомирской группах (рис. 2). Дунайские племена на Украине обитали около четырех — пяти веков от середины V до начала IV тыс. до н. э. Район распростране-

ния памятников этой культуры полностью совпадает с областью днестровской и житомирской групп иллирийских гидронимов. Лендельская культура Волины датируется второй и третьей четвертью IV тыс. до н. э. Район ее распространения был "несколько уже, чем дунайской, но он также хорошо совпадает с житомирской группой гидронимов. Несколько сложнее решать вопрос о появлении иллирийских гидронимов киевской группы, которые не прерываются ареалами культур линейно-ленточной керамики и лендельской. Последние, как и обе более западные группы иллирийских гидронимов, хорошо вписываются, однако, в область культуры шаровидных амфор III тыс. до н. э., которая также имеет западное происхождение. Вопрос о генезисе культуры шаровидных амфор, которая возникла в IV тыс. до н. э. в междуречье Вислы и Одера,— сложный. Но несомненно, что в ее происхождении важную роль играли и дунайские элементы [32]. Следовательно, в составе ее носителей был, очевидно, и «дунайский» иллирийский этнический элемент. Такому столь полному совпадению скоплений иллирийских гидронимов и памятников указанных культур на Украине следует придавать особое значение, если учесть также и то, что все они имеют явно западное происхождение, т. е. связаны с районами исконного обитания иллирийских племен. Полное тождество материалов всех этих культур в Центральной Европе и на Украине не вызывает никакого сомнения.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать ряд заключений: речь идет, во-первых, о появлении наиболее ранних иллирийских гидронимов на Украине — днестровской и житомирской групп (датируются второй половиной V—IV тыс. до н. э.); во-вторых, они возникли здесь в результате проникновения на Подолию и Волинь носителей дунайской и лендельской культур; в-третьих, гидронимы прикиевской группы, видимо, появились здесь несколько позже (вторая половина III тыс. до н. э.) в связи с распространением в этом районе племен культуры шаровидных амфор и, в-четвертых, носители всех этих культур в этническом плане были иллирийцами.

Остановимся далее кратко на рассмотрении вопроса о судьбах иллирийских гидронимов, возникших у нас в нео-энеолитическое время, а также на возможности увязки их в культурно-хронологическом плане с археологическими памятниками более поздних эпох. В этом отношении следует сразу сказать, что ни в эпоху бронзы, ни в раннем железном веке или раннеславянскую эпоху мы не видим столь полного совпадения лингвистических и археологических карт, как в неолите и энеолите. Особенно очевидным это становится на примере житомирского и прикиевского скоплений гидронимов, которые выступают на картах культур эпохи бронзы, железа и ранних славян, например, шнуrowой керамики, тшинецкой, белогрудовской, скифской, пеньковской и др., лишь в виде небольших локальных пятен. Все это, по нашему мнению, исключает возможность видеть в носителях этих культур создателей иллирийских гидронимов.

Несколько иная ситуация наблюдается, однако, в районе днестровской группы иллирийских гидронимов, которая довольно полно совпадает с картами распространения двух культур — комаровской, эпохи бронзы (рис. 3) и липецкой, раннего железного века. Интерпретация данного факта в плане определения иллирийской принадлежности и этих культур представляет определенную трудность. Что касается, например, комаровской культуры, то она является составной частью большой комаровско-тшинецко-сосницкой общности, занимающей пространства от Вислы до Десны. Причем на территории сосницкой и тшинецкой культур, в олиг-

чие от комаровской, иллирийские гидронимы практически отсутствуют, следовательно, говорить об иллирийской этнической принадлежности этих культур у нас нет никаких оснований. А если учесть, что основу комаровских комплексов составляют элементы, близкие к тшинецким [33], то этот вывод может быть распространен также и на комаровскую культуру. Это, однако, в целом, но в деталях проблема генезиса комаровской культуры была, видимо, значительно сложнее. Дело в том, что в составе материальной культуры, и прежде всего керамики комаровских памятников, в отличие от тшинцев и сосницкой, присутствуют несомненно черты влияния культур карпато-дунайского круга, например, Монтеору, Костешти и др. Последнее проявляется в наличии здесь, кроме обычной кухонной керамики, «парадных» сосудов в виде двуручных ваз, черепков, украшенных нередко каннелюрным орнаментом [33; 21, I, с. 434]. Культуры Монтеору и Костешти, по мнению исследователей, были фракийскими или прафракийскими. Учитывая все сказанное выше, географическое совпадение днестровской группы иллирийских гидронимов и памятников комаровской культуры, видимо, надо считать случайным.

Еще больше, чем в комаровской, фракийских элементов отмечается в липецкой культуре, географически также довольно полно совпадающей с группой днестровских гидронимов. Однако ряд авторов у нас (М. Ю. Смишко, М. А. Тихонова, В. Д. Баран и др.) и за рубежом (С. Моринц, А. Точек и др.) считает, что липецкая культура является дакийской [21, III, с. 69]. Приведенные выше заключения о наличии заметных фракийских влияний в комаровской культуре и фрако-дакийской этнической принадлежности липецкой в известной мере вступают в противоречие с данными лингвистики, поскольку фракийские гидронимы на Верхнем Днестре количественно значительно уступают иллирийским (рис. 1). Не исключена возможность, что в нашей историографии существует еще известного рода недооценка присутствия в районе Верхнего Днестра иллирийско-кельтского этнического элемента, на что уже обращали внимание некоторые авторы [34]. Возможно, и среди отмеченных исследованиями фракийских элементов в комаровской, липецкой и других культурах имели место и черты кельтско-иллирийской культуры. О присутствии кельтов на Верхнем Днестре в конце I тыс. до н. э. указывает, например, комплекс из Вовшева, исследованный Л. И. Крушельницкой. Определенные черты кельтских влияний прослеживаются, несомненно, и в расположенных на Верхнем Днестре пшеворских памятниках, особенно погребениях, например, таких, как Грини на Львовщине и др. [35]. Находки изделий кельтского происхождения в отдельных случаях встречаются и далеко на востоке, вплоть до Днепра, на основании чего Д. А. Мачинский делает заключение о появлении здесь иллирийских гидронимов только на рубеже эр [34]. С таким мнением, однако, согласиться трудно.

Итак, появление первых иллирийских гидронимов в Поднестровье и Волини и Киевском Поднепровье следует относить к V—III тыс. до н. э. в связи с проникновением сюда носителей дунайской, лендельской и шаровидных амфор культур, обитавших здесь, видимо, с некоторыми перерывами, более двух тысяч лет. Этим племенам, следовательно, принадлежит основная генеративная роль в сложении у нас иллирийской гидронимии.

Фракийских (дако-фракийских) гидронимов на Украине выделено более десяти. Почти все они, за исключением одного (*Березань* в Причерноморье), сосредоточиваются в лесостепном Правобережье. Три из них здесь переходят на левый берег Днепра, не отдаляясь, однако, от его долины. Все эти гидронимы из бассейнов Южного Буга, Роси, Тетерева, ни-

зовья Случи и нижнего течения Трубежа образуют одно «бугско-днепровское» скопление (*Ибр, Янтра, Алта, Олт* и др.)- Три фракийских гидронима, кроме того, выделены также в бассейне Днестра, в том числе два на среднем и один на верхнем его течении (рис. 1).

Важно подчеркнуть, что ряд фракийских гидронимов Украины находят себе соответствующие пары на востоке Балканского п-ва, во Фракии, Мазии (*Янтра*) и Дакии (*Олт*). Во всех случаях это также, как и на Украине, названия рек [7, с. 282; 6, с. 136]. Видимо, здесь имеет место прямой перенос древними переселенцами фракийских наименований рек с Балкан в бассейн Южного Буга и Среднего Днестра. О. Н. Трубачев особо подчеркивает большую древность этого факта, когда культурные влияния и расселения племен шли с Балкан на территорию Восточной Европы, а не наоборот, что имело место, как известно, в раннеславянское время [7, с. 284].

Установлено, что многочисленные племена фракийцев издревле заселяли значительные территории Балкан от Вардаро-Моравского бассейна на западе до Пруто-Днестровского междуречья и западного побережья Черного моря — на востоке. По данным античных источников, здесь насчитывалось более 80 фракийских племен — бессы, одриссы, мизийцы, даки, геты, агафирсы и др. Дакоязычное население обитало в северных районах фракийского мира на Дунае, в Карпатах и бассейне Тисы, мизийцы — в Добрудже и на Дунае, агафирсы, как известно, были ближайшими соседями скифов. Греки называли всех фракийцев гетами, а римляне — даками [29, с. 205; 36, с. 3—4; 24, с. 14].

Древнейшие письменные сведения о фракийцах относятся к VIII—VI вв. до н. э., хотя о них упоминает еще Гомер. Исследователи считают, что фракийцы, дакийцы, мизийцы являются самым древним населением Балканского п-ва [6, с. 137, 144; 24, с. 16]. По мнению В. Георгиева, фракийцы были носителями культуры Караново I с расписной керамикой V тыс. до н. э., а дако-мизийцы — культуры Криш — Старчево того же времени. В эпоху бронзы и раннего железного века отмечается распространение фракоязычных племен вплоть до Верхнего Поднепровья и Северо-Восточного Прикарпатья, где к этому времени приурочиваются культуры фракийского галынтата (*Гава-Голиград*), типа Сахарны, Шолданешти и др. [36].

Фракийские племена, таким образом, на протяжении тысячелетий были ближайшими соседями населения Правобережья Днестра, в связи с чем появление здесь фракийских гидронимов нельзя считать чем-то особенным. Это тем более, что, судя по археологическим данным между Нижним Подунавьем и Прикарпатьем, с одной стороны, и Поднепровьем и Побужьем — с другой, всегда, начиная уже с эпохи неолита и энеолита, были оживленные культурные связи. Несомненны также факты миграции больших масс балканского, надо полагать, фракийского, населения из Нижнего Подунавья и Прикарпатья в междуречье Днестра — Южного Буга, а также на Средний и Верхний Днестр. Именно с этими инвазиями и следует связывать появившиеся здесь фракийские гидронимы. В этом плане мы и рассмотрим некоторые культуры Украины разных эпох, территории которых в большей или меньшей степени совпадают со скоплениями гидронимов. Речь пойдет, прежде всего, о трипольской культуре медного века, памятники которой, несомненно, территориально наиболее полно совпадают с очагами фракийских гидронимов в Поднепровье (рис. 2). Причем область этой культуры перекрывает почти все известные на Украине фракийские гидронимы, в том числе всю буго-днепровскую их группу и от-

дельные фракийские наименования рек Поднепровья. В плане этнокультурной увязки рассматриваемых гидронимов с Трипольем важно подчеркнуть и то обстоятельство, что, во-первых, трипольская культура имеет несомненно нижнедунайско-карпатское происхождение. Ее генетические корни ведут нас на Балканы и в Трансильванию, в область распространения с древнейшей эпохи культур с расписной керамикой [37, 38], т. е. районов, издревле заселявшихся фракийскими племенами. Во-вторых, трипольская культура занимала большие территории Украины, Молдавии и Румынии; несомненно, это было многочисленное оседлое население, от которого остались сотни поселений. В-третьих, трипольцы на указанной территории обитали как носители основного лингвистического субстрата весьма продолжительное время — более 1500 лет. За такой отрезок времени, безусловно, могли возникнуть многие топонимы и гидронимы.

Итак, появление первых фракийских гидронимов в Поднепровье следует датировать IV — первой половиной III тыс. до н. э., а равно считать трипольское население этого района своеобразным форпостом в расселении фракийских племен далеко в северо-восточном направлении, вплоть до Киево-Каневского Поднепровья.

Нужно отметить, что определение фракийской принадлежности племен трипольской культуры нельзя считать чем-то новым. Еще А. Я. Брюсов писал, что древнее население юго-запада СССР, в том числе и трипольцы — были фракийцами [12, с. 254]. О принадлежности фракийских гидронимов Поднепровья трипольцам говорит также О. Н. Трубачев [7, с. 282].

Среди культур эпохи бронзы и раннего железа заметное совпадение скоплений фракийских гидронимов отмечается еще только с памятниками чернолесской культуры (рис. 3, 4). На ее территорию попадают почти все фракийские наименования Среднего Поднепровья и один гидроним на Днестре. О происхождении и путях развития чернолесской культуры среди специалистов единого мнения нет. А. И. Тереножкин [39] считал, что она сложилась полностью на местной тишинешко-белогрудовской подоснове. Многие авторы, однако, отмечают также значительную роль в этом процессе внешних влияний, шедших на Правобережье со стороны культур фракийского галыптата Поднепровья [40; 36, с. 87]. Степень участия последних при этом расценивается по-разному. Видимо, крайнюю позицию в этом вопросе занимает С. С. Березанская [41], которая считает, что чернолесская культура вообще возникла в лесостепном Левобережье Украины в результате инвазии фракийских племен агафиров в лесостепное Правобережье и даже на левый берег Днепра. С такой постановкой вопроса согласиться трудно, как и с мнением В. А. Ильинской [42], которая, наоборот, предполагает формирование культур Поднепровья всецело под влиянием Чернолесся Поднепровья.

Для выяснения вопроса взаимоотношения культур Среднего Поднепровья и Поднепровья в чернолесское время обратимся кратко к фактическим материалам. Чернолесская культура бытовала более двух веков, в ее комплексах материальной культуры действительно заметны значительные черты культур Поднепровья, фракийская принадлежность которых считается общепризнанной. Лучше всего эти элементы прослеживаются в керамике, где наряду с местными грубыми «кухонными» сосудами бытует и «парадная» высококачественная чернолощенная посуда явно заимствованных типов. Причем процент этой керамики иногда бывает здесь весьма значительным. На позднечернолесском поселении Жаботин в долине Тясмина чернолощенной «фракийской» керамики — более 50%. Еще

больше обнаружено на одном из участков Вельского городища в бассейне Ворсклы. Обращает на себя внимание и тот важный факт, что в керамическом комплексе Жаботина и простые «кухонные» горшки в целом изготовлены по технологии черно лощеной «парадной» керамики, хотя и обработаны менее тщательно, чем последняя (см. фонды ИА АН УССР). Все это указывает на то, что и «кухонная» и чернолощенная «парадная» керамика этого поселения изготавливалась на месте, видимо, одними и теми же мастерами, возможно, действительно фракийцами по происхождению. Следует, однако, заметить, что таких комплексов, как Жаботинский, в чернолесской культуре Поднепровья — единицы. В остальных же случаях на поселениях решительно преобладает грубая «кухонная» посуда, обычно при незначительной примеси чернолощенных «парадных» форм. Исходя из вышеизложенного, видимо, следует считать, что в вопросе генезиса чернолесской культуры ближе к истине стоят те авторы, которые предполагают сложение Чернолесья на местной белогрудовской подоснове при больших или меньших влияниях фракийских культур Поднепровья, например, типа культур Сахарны, Басарабы и др.

В свете изложенного возможность возникновения фракийских гидронимов в чернолесской среде, по нашему мнению, не исключается, хотя в это время условия их появления были куда менее благоприятны, чем в трипольское время. То же следует сказать и о культурах более позднего времени, например, скифской, где фракийские элементы представлены еще меньше, чем в Чернолесье, и географическое совмещение фракийской гидронимии с памятником этих культур, как и в чернолесское время, далеко уступает ситуации периода Триполья.

В послескифское время Правобережье Украины и Поднепровье перекраиваются границами ряда культур рубежа эр и I тыс. до н. э. — зарубинецкой, Черняховской, пеньковской и др. Охватывают они большие территории, на фоне которых скопления фракийских гидронимов выступают лишь в виде небольших локальных пятен в самой южной части области зарубинецких памятников на севере черняховской и примерно в середине области распространения пеньковской культуры. Учитывая это обстоятельство, а также характер общеисторической ситуации этого времени (завоевание Дакии Римом, переселение славян на Балканы и др.), говорить о возникновении фракийских гидронимов на Украине в связи с этими культурами, видимо, нет оснований.

*

Итак, выше в комплексе были рассмотрены данные гидронимии и археологии Правобережной Украины, согласно которым формирование здесь иллирийских и фракийских гидронимов следует отнести к глубокой древности. Иллирийские речные названия на Верхнем Днестре, на Волыни и Киевском Правобережье возникли еще в конце V—III тыс. до н. э. в связи с проникновением сюда носителей культур линейно-ленточной керамики, Лендель и шаровидных амфор, которые, следовательно, были иллирийцами. Появление фракийских гидронимов на более южных территориях Правобережья связывается с появлением здесь племен трипольской культуры, которая датируется IV — первой половиной III тыс. до н. э.

В силу культурно-языковых контактов иллирийцев и фракийцев с местным днепровским населением культур гребенчато-накольчатой, и, видимо, шнуровой керамики иллирийские и фракийские гидронимы перешли к местному днепровскому населению, а от него — к генетически с ним связанным

племенам эпохи бронзы и раннего железного века, среди которых, считают, уже были и языковые предки славян. Впрочем, по нашему мнению, языковые предки славян могли быть уже и среди носителей культур гребенчато-накольчатой и шнуровой керамики конца IV—III тыс. до н. э., но этот вопрос здесь не рассматривался.

В заключение следует подчеркнуть, что выяснение такого очевидного соответствия лингвистических и археологических данных определяется в значительной степени периферийным положением на Украине иллирийцев и фракийцев, проникших в чужеродную среду.

В районах же их исконного расселения, т. е. в Центральной Европе и на Балканах, при наличии там многих родственных племен с близким составом материальной культуры такое соответствие гидронимов и археологических культур проследить, конечно, намного труднее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лер-Сплавинский Т. К. К современному состоянию проблемы происхождения славян // ВЯ. 1960. № 4.
2. Кнабе Г. С. К вопросу о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Советская археология. 1959. № 3.
3. Дяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 2-3.
4. Горнунг Б. В. Из истории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.
5. Филин Ф. П. Некоторые проблемы славянского этно-и глоттогенеза // ВЯ. 1967. № 3.
6. Георгиев В. И. Исследования по сравнительному языкознанию. М., 1958.
7. Трубачев О. Я. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование, этимология, этническая интерпретация. М., 1968.
8. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., 1966.
9. Rimantene R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1984.
10. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
11. Членова П. Л. О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
12. Брюсов А. Я. Очерки из истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
13. Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. С. 163.
14. Топоров В. Я., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
15. Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. КНІВ. 1963.
16. Пономаренко М. Ф. Идрощи Золотошшини // Повідомлення, Украшсьжн ономастично! КОМІІ. Вып. II. Київ, 1967.
17. Лобова В. В. ТопоНімП Дшпро-Бузького межир'ччя. Ш в, 1976.
18. Железняк И. М. Рось і етнолшгвштшчш процеси середньонаддніпрянського Правобережжя. Кшв, 1987.
19. Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики // ВЯ. 1965. № 6.
20. Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970.
21. Археология Украинской ССР. Т. I—III. Киев, 1985—1986.
22. Археология СССР. Энеолит. М., 1982.
23. Белорусская археология. Минск, 1987.
24. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
25. Krahe J. Die Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
26. Porzig W. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
27. Krahe H. Unsere ältesten Flußnamen. Bd. 1. B., 1960.
28. Hensel W. Skąd przyszli Słowianie. Wrocław, 1984. S. 175.
29. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1974.
30. Hensel W. Polska Starożytna. Warszawa, 1980. S. 29—47.
31. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Ве. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеевропейского языка по лингвистическим и культурным данным // ВДИ. 1981. № 3. С. 31.
32. Archeologia Polski. T. VIII. Warszawa, 1963. S. 222—245.

33. *Свешников И. К.* Проблема происхождения комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 96—118.
34. *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // Археологический сборник Госэрмитажа. Вып. 15. JL., 1973.
35. *Козак Д. Н.* Могильник пшеворской культуры в Грине Верхнего Поднестровья // Археология. 1985. № 52.
36. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 3—4.
37. *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие трипольские племена Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 84. С. 202—203.
38. *Збенович В. Г.* Поселение Бернашовка на Днестре. Киев, 1980. С. 155.
39. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
40. *Рыбалова В. Д.* О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Вып. 1. М., 1961.
41. *Березанская С. С.* Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Тр. междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 12—18.
42. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975. С. 176—177.